

УДК 94 (47)

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ: “ЗА” И “ПРОТИВ”

В.Г. Киютин

Анализируются некоторые вопросы современной историографии Октябрьской революции.

Ключевые слова: социальная революция; пролетариат; Ленин; большевизм; контрреволюция; социализм; капитализм.

THE GREAT OCTOBER: “PROS” AND “CONS”

V.G. Kiutin

The article regards the certain issues of modern historiography of October Revolution

Keywords: social revolution; proletariat; Lenin; bolshevism; contrrevolution; socialism; capitalism.

В текущем году обязательно состоятся различные юбилейные мероприятия в постсоветских странах, прежде всего в Российской Федерации, и странах дальнего зарубежья. Повод тому – столетие Великой Октябрьской социалистической революции в России. События, несомненно, эпохально-го, оставившего глубокий след в мировой истории, международных отношениях, в унастроениях сотен миллионов людей в различных странах мира. Под влиянием Великого Октября в Венгрии, Баварии, Словакии, Финляндии возникли советские республики (позже зверски подавленные); в Великобритании, Италии, Франции, США, Болгарии и Польше состоялись крупные выступления рабочего класса. Например, в 1919 г. в США было проведено 3630 стачек, в которых участвовали свыше 4 млн человек [1, с. 282]. Во многих странах возникли коммунистические партии, окрепло профсоюзное движение. Революционные бури зашатала мировую колониальную систему, под ярмом которой мыкалась большая часть населения нашей планеты.

Итогом Октябрьской революции стало появление двух враждебных лагерей – сторонников и противников третьей в XX в. российской революции. Ее сторону взяли российские пролетарии, распропагандированные большевиками солдаты и матросы (выходы преимущественно из крестьянского сословия), многие военспецы (унтер-офицеры, офицеры и генералы бывшей царской армии), которым до смерти надоели военные тяготы на русско-германском фронте. В их числе будущие

полководцы и командиры Красной Армии и Красного Флота С. Каменев, М. Фрунзе, В. Блохер, В. Примаков, С. Буденный, Г. Жуков, К. Рокоссовский, А. Егоров, Д. Карбышев, И. Якир, И. Вацетис, П. Дыбенко и другие. За революцию выступили представители различных национальностей и окраин России – так называемое “Триумфальное шествие Советской власти”. К революционным силам примкнули европейские интернационалисты из числа чехов, словаков, сербов, немцев и т. д. Искренне приветствовала революцию как предвестницу будущей мировой социальной гармонии часть западной и российской культурной элиты: Б. Шоу, Г. Манн, А. Франс, Р. Роллан, Т. Драйзер, А. Блок, Ф. Шаляпин, С. Есенин, В. Брюсов, В. Вересаев.

Второй лагерь, включая значительную часть российского казачества, офицерства, дворянства, западных и российских политиков – У. Черчилля, Ллойд Джорджа, Ж. Клемансо, В. Вильсона, Г. Штремемана, П. Миллюкова, А. Гучкова, П. Струве, представителей русской культуры – К. Бальмонта, А. Куприна, Дм. Мережковского, З. Гиппиус, И. Бунина, А. Кизеветтера и др., отнесся к революции враждебно. К слову, именно тогда В. Вильсон заложил “фундамент антисоветской политики США, создал исторический прецедент, породивший горькие плоды в период “холодной войны”, наступивший после Второй мировой войны” [2, с. 290].

Выражением ненависти к советской власти, стремления любой ценой уничтожить ее стал

единый антисоветский фронт – Белое движение и вооруженная интервенция Великобритании, Франции, США, Японии и др. стран. Как говорил видный экономист, историк и политик российский эмигрант П. Струве, “...ему безразлично, кто свергнет большевиков – либерал Керенский или монархист Марков” [3, с. 113]. У каждой из сторон была своя непререкаемая правда, ради которой люди готовы были лечь костями. Примирения, какого-то приемлемого компромисса никто по-серьезному не искал. Ни контрреволюционеры, ни большевики, опьяненные легким успехом вооруженного восстания 24–25 октября 1917 г. (по старому стилю) в столице империи – Петрограде. Да и вряд ли была возможность примирения. Итог раскола в российском обществе – ожесточенная, растянувшаяся на несколько лет с многочисленными жертвами с обеих сторон братоубийственная гражданская война – величайшая трагедия России.

Разногласия по различным вопросам революции не стихают поныне. Но из-за своего менталитета постсоветские спорщики бросаются из одной крайности в другую, не знают “золотой середины”. Например, император “Николай II Кровавый”, как его “величала” советская историография, усилиями Русской Православной церкви (РПЦ) канонизирован, стал святым в российском религиозном “пантеоне”; адмирал-палач Колчак, каким его запечатлели в своей памяти сибиряки, удостоивается сегодня памятных досок, стал героем художественного фильма. Гениальный тактик и стратег политической борьбы, основатель первого в мире социалистического государства В.И. Ленин под скрип бойких перьев некоторых новомодных историков и публицистов преобразился в такого “гномика”, вожака оторванной от народа злобной стаи политических авантюристов, прибывшей в апреле 1917 г. в “опломбированном вагоне” в Россию, чтобы совершить там верхушечный переворот. Видимо, в какой-то мере нынешнее разочарование В.И. Лениным обусловлено его сверхидеализацией в советское время, когда вождю приписывались едва ли не божественные качества. Но надо знать и такт в критике. К сожалению, в постсоветской российской и западноевропейской историографии Октября накопился ворох откровенно конъюнктурных, тенденциозных представлений, которые требуют более или менее справедливой оценки.

Например, являлась ли Октябрьская революция “почвеннической” или ее инициировал европейский “Мефистофель”? Была ли она исторически оправдана, или означала деформацию исторического процесса, некую историческую “ненормальность”, патологию? Выполнила ли она свое историческое предназначение, свои цели

и задачи? Наконец, почему мы вернулись “на круги своя”, а мировой социализм, как утверждалось советским агитпропом, “десятилетиями олицетворяющий мировой прогресс”, проиграл вчистую историческое соревнование своему политико-идеологическому визави – капитализму? Попробуем, насколько позволяет газетный формат, разобраться в этих нелегких вопросах.

Сегодня, особенно среди либеральной братии и всякого рода политических конъюнктурщиков, бытует тезис о “нерусскости” Октября, его неестественности. Мол, каких-либо социально-экономических и политических предпосылок для его свершения не было. Неужели хулители революции правы? Если нет, то как они перелицовывают тогдашнюю российскую жизнь? По мнению современных либералов, в стране все было буднично, ничего экстраординарного (разве что война!). По Транссибирской магистрали катились паровозы, путилевские рабочие мастерили оружие и другую технику, в Шуе и Иваново-Вознесенске выработывались ткани, в концертных залах Москвы, Санкт-Петербурга шли театральные спектакли, звучала музыка, в Средней Азии скотоводы выращивали разную живность, а хлопкоробы возделывали “белое золото”. Но такая умирительная картина далека от правды того времени. Да, в 1913 г. царская Россия достигла внушительных результатов в развитии капитализма, демонстрировала научно-технический прогресс. Но огромная страна, уже пережившая к осени 1917 г. две революции, образно говоря, была беременна новой революцией. Глубокие противоречия в России пронизывали всю ткань ее социально-экономического, культурного, политического и межнационального бытия. В частности, в целом низкий жизненный уровень населения, уступающий аналогичным показателям странам Запада; неразвитость капиталистических отношений, опутанных феодальными пережитками из-за чего российский землепашец так и не стал аналогом западного фермера; поголовная безграмотность населения; вопиющее из всех углов социальное расслоение, когда на фоне кучки богачей миллионы и миллионы людей едва сводили концы с концами. Великая русская литература не случайно посвятила тысячи страниц описанию бедствий простого люда, его мытарств, униженности, беззащитности от произвола дворян, капиталистов-хищников, судебной системы, чиновничества. Об этом писали А. Чехов и Л. Андреев, А. Куприн и Л. Толстой, М. Горький и А. Островский, А. Писемский и Н. Лесков.

В свое время несправедливость российских порядков, имеющей долгую историю, всяк на свой лад безуспешно пытались устранить народные

бунтари (К. Булавин, С. Разин, Е. Пугачев), декабристы, народники. В конце XIX в. за дело взялись российские социал-демократы, обогащенные трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова, а позже – В. Ленина. Во многих городах царской России (Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Саратове, Иваново, Казани, Верном и др.) возникли рабочие и социал-демократические кружки, пропагандирующие марксистские идеи освобождения Труда, преобразования общества на справедливых, социалистических началах (замечу: весьма притягательных на слух). Лидер российской социал-демократии В. Ленин отразил стратегию и тактику революционных преобразований России в ряде работ, где всесторонне проанализировав ситуацию, сделал вывод: рабочему классу необходима самостоятельная политическая партия, предназначение которой – проведение буржуазно-демократической, а затем социалистической революций. Уже в начале XX в. большевистская партия, РСДРП (б), учитывая *специфику российских условий*, поставила задачу буржуазно-демократического преобразования страны, а затем завоевания государственной власти, установления диктатуры пролетариата. Для реализации этих задач большевики вели значительную организационную, идеологическую, воспитательную и политическую работу в массах, оперативно отзывались по различным вопросам российской действительности. Достаточно упомянуть публикации в большевистских газетах “Искра”, “Вперед”, “Правда” и т. д. и деятельность большевистской фракции в IV Государственной думе. Таким образом, “почвеннические условия” породили “почвенническую” политическую линию РСДРП (б). На руку ей “подыгрывала” политика самого царизма: непоследовательность демократических преобразований (куцы полномочия Госдумы), авантюризм внешней политики (проигранная в пух и прах русско-японская война 1904–1905 гг., трагизм Первой мировой войны, военные поражения, голод, холод, кадровая чехарда в высших эшелонах власти, кризис государственного управления, транспортный коллапс и прочее). Известно, что император Николай II дарованиями не блистал. По свидетельству русского юриста А.Ф. Кони, вхожего в императорский кабинет, образование императора соответствовало – всего-то!!! – уровню командира полка. Чуть ли не в унисон звучит нелицеприятная характеристика императора его министром иностранных в 1906–1910 гг. А.П. Извольским: “До сих пор я не могу понять, – читаем в его мемуарах, – как наследник, предназначенной самой судьбой для управления одной из величайших империй в мире, мог оказаться до такой степени не подготовленным к выполнению

обязанностей величайшей трудности” [4, с. 158]. Неоднократно отмечал слабую волю и бесхарактерность императора председатель Российской Государственной Думы третьего и четвертого созывов (1911–1917 гг.) М.В. Родзянко [5]. Не будем удивляться тому, что в ходе Февральской революции 1917 г. император так легко отказался от престола, словно сдал какое-то заурядное дежурство.

Временное буржуазное правительство за месяцы своего правления также не решило злободневные вопросы российской жизни: прекращение империалистической войны, земельный, национальный [6, с. 480]. Россия явно шла “в никуда и в никогда, как поезд с откоса”. Предсказуемый результат антинародной политики “Временных” – свержение буржуазной власти, вооруженный захват государственной власти большевиками, чему способствовал недюжинный талант политического тактика и стратега В.И. Ленина, политически оказавшегося на несколько голов выше всех своих противников – кадетов, правых эсеров, меньшевиков, октябристов, националистов. Утром 25 октября 1917 г. вождь революции подписал воззвание “К гражданам России”, где объявлялось о низложении Временного Правительства и переходе власти к Военно-революционному комитету при Петроградском Совете. В документе объявлялись немедленное предложение к воюющим странам демократического мира без аннексий и контрибуций, отмена помещичьей собственности на землю, установление рабочего контроля над производством, создание советского правительства [7, с. 52]. Огромная страна приступила к строительству социалистического государства, его защите.

Но вписывался ли Октябрь в общеисторический контекст, не являлся ли он “погодной” аномалией, словно снег в середине лета? Проведем эксперимент небольшой историко-социологической экскурсы. Почему-то буржуазные революции (например, нидерландская, английская и американская) не считаются деформацией исторического процесса. Франция вообще пережила с конца XVIII до последней трети XIX вв. несколько революций. Французы, кстати, ежегодно 14 июля празднуют день революционного штурма Бастилии в 1789 г. – символа королевской Франции. На все эти события западная историография реагирует положительно. Еще бы!!! Ведь речь шла о революционной замене одной формы частной собственности – феодальной, другой – буржуазной. Тогда поднимающийся класс буржуазии был кровно заинтересован в революционных изменениях. Октябрь же всерьез “замахнулся” (национализировал) на “священную корову” господствующих классов – частную собственность, заменив ее государственной на

средства производства, включая землю [8, с. 62]. Эхо такого радикального шага отозвалось в десятках стран мира, воодушевило миллионы людей. Поэтому можно понять ненависть выдающегося британского политика XX в. У. Черчилля, который будучи в январе 1919 г. военным министром, использовал свой пост для оказания поддержки белогвардейским формированиям в России в борьбе в большевистской армией [9, с. 14]. Людям его класса было что терять в материальном и статусном смысле слова! Не случайно в XX в. во многих капиталистических странах – ФРГ, Дании, Швеции, Норвегии и др., наученных уроками Октября, были проведены серьезные реформы, придавшие современному капитализму “человеческое лицо” через социальные программы, демократизацию капитала, повышение заработной платы людям труда, защиту прав и свобод человека. Вполне оправданно, как мне кажется, на Первом съезде народных депутатов СССР Ч. Айтматов заявил о “скандинавском социализме”, чьи страны неизменно являются наиболее успешными в мире по социально-экономическим показателям.

Попытки некоторых современных ученых, политиков и государственных деятелей принизить, девальвировать феномен революции, исключить ее из исторического инструментария, видимо, обусловлены опасением “цветных революций”, когда в мгновение ока отдельные группы населения (часто маргиналы) насильно захватывают государственную власть, пытаясь позже легализовать ее. Впрочем, “цветные революции” изредка бывают единственным выходом из тупиковой ситуации, в которой повинна сама власть. Но “цветные революции” – это все-таки исключение из правила. Сегодня, к счастью, государства располагают хорошо отработанными политическими технологиями и конституционными процедурами ротации власти, правящей элиты. Например, через всеобщие выборы, деятельность международных наблюдателей, контроль за избирательным процессом с помощью СМИ и информационных технологий. В большинстве цивилизованных стран функционирует многопартийная система, деятельность правительства неусыпно контролируется оппозицией. Например, “теневым кабинетом” в Великобритании. Поэтому созидательный потенциал и будущность правящей элиты сегодня определяются ее способностью не искушать судьбу антинародной политикой, не доводить население до крайности.

Но в XVII – начале XX вв. вышеназванных технологий и соответствующего инструментария, за крайне редким исключением, не было. Нередко процветали узурпаторство, придворные интриги, государственные заговоры и верхушечные перево-

роты. К слову, в России XVIII в. государственную власть не раз низвергали группы заговорщиков, которые через “мартовские иды” возводили на престол удобных для себя самодержцев “Всея Руси”. Именно таким способом, напомним, на российский престол взошли императрицы Елизавета Петровна, Екатерина II, император Александр I. Революция, как социально-политический феномен, также вписывалась в политическую философию того времени, заняла свое легитимное место на исторической авансцене, среди исторического инструментария. Например, Декларация независимости США 14 июля 1776 г., признавшая право народа устранить или сменить правительство страны. Выдающийся социолог XX в. П. Сорокин в работе “Социология революции” писал: “Непосредственной причиной всякой революции всегда было *увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения*, а также невозможность даже минимального их удовлетворения” [10, с. 272]. Касаясь непосредственно причин Октября, П. Сорокин перечисляет инстинкты, подавленные накануне революции, в частности, “инстинкт индивидуального самосохранения среди мобилизованных солдат”, “инстинкт группового самосохранения среди более 90 процентов населения вследствие постоянных поражений, беспомощности власти и даже государственной измены ряда деятелей”, “пищеварительный инстинкт из-за дезорганизации продуктового обеспечения городов, особенно в конце 1916 г.” и т. д.

Сегодня, конечно, задним числом легко ретушировать российскую жизнь начала XX в., отношения между общественными классами, национальностями страны, описывать ее благостными фразами, отвергать историческую обусловленность Октября. Но такой подход больше вносит сумятицы в умы наших современников, чем способствует пониманию исторических реалий, их взвешенному анализу, и, главное – учету опыта Октября в политике постсоветских государств. Правда же состоит в том, что Октябрьская революция была вызвана клубком глубоких социально-экономических и других противоречий в России. Поэтому она вполне укладывалась в исторический процесс, стала на определенном этапе важнейшим средством исторического движения значительной части человечества.

Но насколько Великий Октябрь оправдал свое предназначение? Попытаемся широким мазком охарактеризовать достижения Октября, его упущения, просчеты и даже трагедии. Безусловно, революция вызвала коренные изменения в жизни огромной страны, ее центра и национальных окраин. После завершения гражданской войны в СССР

началось социалистическое строительство (индустриализация, коллективизация, культурная революция, решение национального вопроса). Проиллюстрируем его результаты на примере нашей республики. Без революции, как отмечали известные наши политики Ж. Акенеев и И. Масалиев, Киргизии, скорее всего, была бы уготована участь “второго Афганистана”. Сказано лаконично, но емко! Но Киргизия своевременно получила свою государственность (Кара-киргизская автономная область, АССР, советская республика); быстрыми темпами осуществлялась коренизация государственного управления, что явилось важным инструментом преобразования страны [11, с. 105]. Управленческие, хозяйственные и иные кадры готовились в Москве, Ленинграде, Ташкенте и т. д. В республику также приезжали из других регионов страны, прежде всего из России, позарез необходимые нам кадры и специалисты (рабочие, инженеры, техники, агрономы, учителя, врачи, преподаватели). За годы Советской власти в республике была создана весьма внушительная промышленная база (станко- и машиностроение, в том числе сельскохозяйственного назначения; приборостроение; стройиндустрия; легкая, пищевая, горная отрасли и т. д.). Республика стала крупным производителем и “донором” в союзный фонд сельхозпродукции: сахарной свеклы, подсолнечника, кукурузы, фруктов, овощей, мяса, масла. Кыргызстан, кстати, занимал третье место в СССР по абсолютным показателям производства продукции овцеводства (уступая только РСФСР и Казахстану), а в расчете на единицу сельхозугодий – первое. Если в среднем по стране на 100 га пастбищ приходилось 45 овец, то в Кыргызстане – 119. На 100 га сельхозугодий республика производила 3,3 ц шерсти и 13 ц мяса баранины. Это был самый высокий показатель в СССР [12, с. 398]. Без всякого преувеличения историческими достижениями были отмечены сферы культуры, искусства и образования. В республике были построены оперный и драматические театры, библиотеки, множество школ, профессиональных училищ, вузов. Довольно красноречива в этом контексте одна цифра: в 1976 г. в республике на 1000 человек приходилось 544 человек с высшим и средним образованием. Выросла плеяда национальных талантов: композиторов, писателей, поэтов, скульпторов, кинематографистов, ученых, многие из которых работали в созданной в 1954 г. Академии наук. Такими успехами в советское время могли похвастать и другие республики СССР. Все они вместе сумели одержать всемирно-историческую победу над фашистской Германией, добиться в начале 70-х гг. паритета с США в ядерных вооружениях, создать мощную индустриаль-

ную державу, первыми выйти в космос, запустить первую в мире АЭС. Хорошо известны и другие достижения СССР.

К сожалению, реализация великих идей Октября сталкивалась с огромными трудностями (внутренними и внешними), была полна драматизма. Это идейная бескомпромиссность в отношении старой России, ее достижений, к тем соотечественникам, которые не приняли социализм, но в тоже время не были ее вооруженными врагами. Печальный эпизод – так называемый “философский пароход”, на борту которого в 1922 г. на Запад был выслан цвет российской научной и культурной элиты, в частности, Н. Бердяев, С. Франк, И. Ильин, Н. Лосский, Л. Карсавин, Ф. Степун, В. Зенковский, С. Булгаков [13]. Драконовскими мерами осуществлялась коллективизация, когда под раскулачивание попали тысячи и тысячи рукастых, оборотистых крестьян, что привело к многолетнему упадку сельхозпроизводства, рецидивам голода населения. Скорбная страница советской истории – судьбы многих народов страны, попавших под каток репрессий 30–40-е гг. Неудовлетворительная ситуация была также в сфере прав и свобод человека, особенно политических, что постоянно вызывало критику Запада, а в СССР породило движение диссидентов. Сложившаяся в СССР однопартийная система не допускала политическую конкуренцию, что в итоге привело к застойным годам. Гражданам СССР было почти невозможно выехать в капстраны, хотя Советский Союз был участником Заключительного Акта Европейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки (август 1975 г.), “третья корзина” которого призывала страны-участницы содействовать развитию человеческих контактов, либерализации условий выезда и въезда в третьи страны. Вышеотмеченные и другие обстоятельства разочаровывали население, порождали его безразличие, апатию. Поэтому когда пробил исторический час – необходимость защиты советского социализма, “сдувшегося” в одночасье, словно детский воздушный шарик, желающих отстоять его нашлось не много.

Уверен, что одной из причин заката советского социализма, самораспада СССР явилась крайне затратная, неподъемная для его бюджета внешняя политика, которая исходила из принципа интернационализма, то есть оказания так называемой “братской помощи” социалистическим странам, международному рабочему и коммунистическому движению, антиимпериалистическим силам, партиям и движениям в Азии, Африке и Латинской Америке. Эта помощь финансово и материально обескровила СССР, не позволила ему удовлетворительно

решать насущные вопросы внутренней политики, в том числе продовольственный, товарный и жилищный.

Ныне мы живем в другой системе социально-экономических и политических координат – при капитализме. Но беда в том, что мы страдаем не столько от капитализма, сколько от его нехватки, дефицита. Капитализма, повторюсь, “скандинавского типа”, где обеспечены высокий уровень материального благосостояния, защита прав человека, высокая продолжительность жизни населения и т. д. В то же время мы не приемлем западную ювенальную юстицию, всякие гей-парады, бесшабашную миграционную политику. Мы, если говорить о нашей республике, должны искоренить коррупцию, кумовство в кадровой политике, добиваться социальной справедливости, правового государства, неуклонно повышать жизненный уровень населения. В противном случае нас будет тревожить призрак социальной революции, призрак Октября.

Литература

1. Гершов З.М. Вудро Вильсон / З.М. Гершов. М., 1982.
2. Dubofsky M. The United States in the Twentieth Century / M. Dubofsky, A. Thecharies, D. Smith. New Jersey, 1978.
3. Glad J. Russia Abroad: writers, history, politics. A joint publication Hermitage and Birchbark Press // J. Glad. Washington, 1999.
4. Извольский А.П. Воспоминания / А.П. Извольский. М., 1989.
5. См.: Родзянко М.В. Крушение империи / М.В. Родзянко. М., 1992.
6. Подробно освещает позицию Государственной думы и правительства России по этим вопросам П. Миллюков – руководитель партии кадетов, один из вдохновителей антисоветской борьбы / Миллюков П.Н. Воспоминания / П.Н. Миллюков. М., 1991.
7. См.: № 56. Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства. 28 октября (8 ноября) 1917 г. // Сборник документов по истории СССР 1917–1920. М., 1978.
8. Первым документом о национализации было Постановление ВЦИК № 64 “О национализации фабрик товарищества Ликинской манфактуры. 17 (30) ноября 1917” // Сборник документов по истории СССР 1917–1920.
9. Черчилль У. Мускулы мира / У. Черчилль. М., 2008.
10. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин; пер. с англ. М., 1992.
11. См.: № 84. Постановление Среднеазиатского бюро ЦК РКП (б) “О коренизации аппарата хозяйственных, советских учреждений и профессиональных организаций Средней Азии” // Советский Киргизстан в документах 1917–1967 гг. Фрунзе, 1983.
12. Плоских В.М. История кыргызов и Кыргызстана / В.М. Плоских, Д.Д. Джунушалиев, Т.А. Абдыразманов. Бишкек, 2015.
13. Glad J. Russia Abroad: writers, history, politics. A joint publication Hermitage and Birchbark Press / J. Glad. Washington. 1999.